

Александр РАДЬКОВ

Мой физмат
(Отрывки из книги)(Заканчэнне. Пачатак у № 54,
57, 60, 63.)ВАЛЕРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
БАРАШКОВ

Барашков на физмате учился годом старше нас. Это была заметная на факультете студенческая компания: Вася Галактионов, Тамара Белягова, Вова Ефимов, Коля Головач, Леня Сморгович, Коля Белый, Витя Буденков. Но до лета я их, можно сказать, не знал. Первый год учебы жил на квартире, поэтому круг общения на физмате был не очень широк. В то же время через общественную работу, спортивную секцию я все-таки сумел раззнакомиться со старшекурсниками, и в результате Гена Петровский пригласил меня поехать в стройотряд, в Бельнич, строить маслосырзавод. А в этом отряде тоже были Валера Барашков, Вася Галактионов, Коля Белый, Коля Головач...

Молодые, задорные, соскучившиеся по физическому труду, мы работали "взахлеб". Успевали все: делали бетон и сами же им бетонировали, рубероидом крыли крышу, строили блочные жилые дома. А вечерами пели под гитару. Вот тут Барашков был в центре внимания. Он знал множество песен, легко мог подобрать новый мотив, и все это живо, с юмором. В том году его любимой песней была: "Возле города Пекина ходят, бродят хунвэйбины...". Было очевидно, что Валера — "мотор"! Спокойно он сидеть не мог, что-то обязательно делал или вытворял. Вот одна из его проделок.

Из Бельнич мы каждый день на грузовом автомобиле, в открытом кузове, ездили за 10 километров в деревню Мощаница. Строили там двухквартирные дома. Если по дороге видели идущую молодую девушку, то, подъезжая к ней, хором восклицали: "У — у — у!". А проехав ее, заключали: "А — а — а...". И смотрели на ее реакцию. Чаще всего девушки крутили пальцем у виска. Однако их реакцию наблюдать было забавно. И все это придумал Барашков.

После того лета нам с братом поделили общежитие. И эта вся компания студентов, уже третьекурсников, жила по соседству. Все они были неординарны. Барашков продолжал играть на гитаре, Галактионов упорно старался этому научиться, Белый играл на баяне, Ефимов хорошо рисовал, Белягова в спортивной секции азартно крутила педали велосипеда. И учились они хорошо! А все свои проделки и приключения весело обсуждали между собой.

Однажды Барашкова, Галактионова, Ваню Шведа и меня присмотрела для участия в конкурсе художественной самодельности Софья Михайловна Гольдштейн. Она отвечала на физмате за это направление общественной работы. Это было сугубо ее решение, но, похоже, она с удовольствием наблюдала за студенческой жизнью, знала наши дружеские отношения и творческие возможности. Мы должны были квартетом, на четыре голоса спеть две песни: "Погоню" из кинофильма "Неуловимые мстители" и "В землянке". Аккомпанировал нам на фортепиано студент филфака выпускник музыкального училища Борис Игнатьев. Долго с нами мучился на репетициях, ругался, обзывался до тех пор, пока мы не сообразили купить ему вина. После этого все пошло как по маслу, и в итоге мы стали лауреатами институтского конкурса, приобрели даже некоторую популярность. Но после этого триумфа наш квартет распался, у каждого были свои дела. Барашкова на старших курсах я вообще видел эпизодически. Мы учились на разных курсах, он специализировался на физике, а я

на математике, ездили в разные стройотряды, расселились по разным общежитиям, женились.

В годы нашей учебы после института сразу призывали в армию тех, кто не был распределен на работу в сельскую школу. Барашкова направили работать в Институт физики АН БССР, базирующийся в Могилеве, поэтому он сразу ушел на год служить. После армии он в этом НИИ тоже работал недолго. Работа в лаборатории не для Валерия Васильевича, он человек общества, он должен работать прежде всего с людьми, а уж потом с приборами и механизмами. Барашков поехал на свою малую родину, в Чаусский район, в Осиновскую среднюю школу. К этому времени он уже женился. Но и тут мы с ним переплелись. В жены он выбрал нашу однокурсницу, а даже учился с ней в одной группе — Лиду Казакову. Мне трудно сказать, кто кого выбирал, скорее всего сам Бог, но это был такой разумный ход к созданию семьи! Импульсивный, подвижный, как ртуть, неугомонный Валера и рассудительная, спокойная, всегда уравновешенная Лида.

Интересно, что на Лиде Казаковой я тоже остановил свой выбор. При формировании "целинного" стройотряда, командиром которого я был, мне требовались повара. Кормить ежедневно три раза сорок бойцов, вставать в 5 утра и ложиться после 12 ночи, как-то разнообразить довольно скудный рацион, мыть горы посуды и следить за соблюдением санитарии в жарком климате — такую нагрузку выдержит не каждая девушка. Для этой работы я выбрал Лиду Казакову и ее подружку Валю Майорову. И не ошибся! Мой физмат и тут меня не подвел.

В Осиновке Валера работал не только в школе. Все лето — в местном колхозе. Освоил комбайн и в этом деле стал одним из лучших специалистов. Но из школы не уходил, работа с детьми ему нравилась и не отпускала. Они с Лидой родили двух сыновей, Михаила и Андрея, и ни о каких переменах в своей судьбе даже не думали. Однако жизнь распорядилась по-другому.

В конце 80-х в стране началась реформа общего среднего образования. Стали активно внедряться идеи внешней и внутренней дифференциации обучения, повсеместно открывались учебные заведения нового типа — гимназии, лицеи, колледжи. От педагогических вузов Министерство образования потребовало научного сопровождения этого процесса, и наш Могилевский пединститут для этого дела был выбран головным. Нам было предписано создать на базе института Учебный комплекс, включив туда областное управление образования, Институт повышения квалификации учителей, Могилевский педагогический колледж, несколько школ и гимназий. Под эту работу выделялась ставка проректора по учебной работе, и ректор Е.П.Кудряшов назначил на эту должность меня, тогда заведующего кафедрой алгебры и геометрии. Для полноценного комплекса нам не хватало лицей, и мы с начальником областного управления образования Г.Н.Петровским решили его открыть, выбрав для этого старинное здание по улице Воровского, где размещалась школа-интернат. Написали устав этого учебного заведения, подготовили Положение о его функционировании, но оба понимали, что на красивую вые-

ску "лицей" ни дети, ни их родители не придут. Пойдут на хороших учителей, понимая, что новое время требует знаний. И мы стали искать педагогов. Разными способами.

Высококласные учителя иностранных языков, например, работали в школе-интернате, где и открывался лицей. Других мы нашли в городских школах и уговорили пойти работать в лицей, предусмотрев для этого чуть выше, чем в школе, зарплату. Сложности возникли с учителями математики и физики, мы никак не могли определить тех, кто подходил бы под наши задачи.

И тогда для поиска учителя физики я попросил своих сотрудников подготовить справку — в каких школах Могилевской области готовят победителей республиканской олимпиады по этому предмету. Мне сразу назвали Осиновскую школу Чаусского района. Школа небольшая, по 7—8 учеников в классе, а победители олимпиады каждый год! Спрашиваю, а кто там учитель физики? Отвечают: Барашков Валерий Ва-

и показывает играющих в футбол лицеистов. Не сразу, но нахожу среди них Валеру в желтой майке и красных спортивных трусах.

Валерий Васильевич в лицее развернулся. Смотреть, как он работает, было одно удовольствие. Иду как-то по коридору, а передо мной гурьба мальчишек, что-то оживленно обсуждают по физике. Среди них, на равных, Барашков. И я подумал, что эти мальчишки дают друг другу не меньше, чем их учитель. Но это возможно только в присутствии такого их наставника, как Барашков.

Переехав в Могилев, Валера сразу восстановил контакты со своим физматом. На факультете он пропал: то консультировался по решению нестандартных задач, то просил попользоваться лабораторным оборудованием, то сам вел со студентами спецкурсы. На физмате всегда были знатоки и ценители красивых задач: Е.Е.Сенько, С.М.Чернов, В.И.Веракса, Н.И.Стаськов. Вот к ним чаще всего и приходил Барашков. Он вообще утвер-

ждал, что любой школьник может стать победителем даже международной олимпиады, но для этого надо решить 5000 задач.

Работал Валерий Васильевич в лицее с присущим только ему профессиональным колоритом. Всегда — в своем стиле. Однажды он мне срочно потребовался, я поехал в лицей, а он был на уроке. Разговор у меня с ним предполагался небольшим, поэтому я не стал ждать окончания урока, решил заглянуть к нему в класс. Открыл дверь, и тут же ее закрыл: в классе на столе стоял стул, а на этом стуле — Барашков! В полной тишине!

Прозвенел звонок, дети гурьбой высыпали из класса, за ними вышел Валерий Васильевич. Я у него спрашиваю: "Что ты делал с детьми?". Он совершенно невозмутимо отвечает: "Они писали контрольную работу, и я сказал, что на этот раз у меня никто не спит!".

При поступлении в лицей был конкурс. Все почувствовали, что там дают отличную подготовку для поступления в вузы. Наша ставка на хороших учителей оказалась правильной. А Барашкову мы разрешили проводить прием в физико-математический класс самому, без всяких комиссий. Он сказал, что из 22-х учеников класса он лично отберет 17, а остальных мы можем отобрать как хотим, даже по блату. Почему 17 из 22-х я не знаю до сих пор. Но как он будет проводить этот отбор решил посмотреть лично. После ответа на вопросы билета Валерий Васильевич предлагал ученикам нестандартные задачи. Например, после неплохого ответа одной симпатичной девочки он у нее спросил:

— Представьте, что вы — космонавт, и вышли в открытый космос для ремонта внешнего оборудования. На вас закреплены инструменты: молоток, отвертка, дрель, пассатижи, элементы нового оборудования. К кораблю вы прикреплены страховочным фалом. А он вдруг лопнул. Как вы вернетесь в корабль?

Предполагалось, что в условиях невесомости космонавт будет отстегивать закрепленное на нем оборудование, толкать его в сторону, противополо-

ную кораблю, и тогда силы инерции будут двигать его в нужном направлении.

Девочка задумалась, потом говорит:

— Я разденусь!

Барашков реагирует мгновенно:

— Думаете, это поможет?

И слышит решительное утверждение:

— Всегда помогало!

Мы с ним еле удержались от смеха, но эту девочку в лицей приняли.

Я как-то напросился к Валерию Васильевичу на урок астрономии. Внешне — какой-то сумбур. Ученики вместе с учителем вращали макет небесной сферы, вспоминали легенды о созвездиях, решали задачи на определение небесных координат, смотрели слайды с видами космоса, долго, опять же все вместе, искали закаты и восходы под шкафом красной мелок. Но когда прозвенел звонок, я осознал, сколько же учитель смог дать знаний детям за эти 45 минут! Это была работа настоящего мастера.

После переезда Валерия Васильевича с семьей в Могилев мы опять вернулись к нашей студенческой дружбе: Барашковы, Чеботаревские, Радьковы — нам вместе было хорошо. Борис Чеботаревский помогал готовить областную команду к Республиканской олимпиаде по математике, мы с ним читали спецкурсы в лицее, где разминуться с Валерием Васильевичем никак не могли, иногда со своими родными и друзьями собирались на посиделки. С Барашковым везде было интересно. Он "заводил" любую компанию. Со временем я понял, в кого он, откуда такая наследственность.

У него дома, в той же трехкомнатной квартире, мы отмечали его пятидесятилетие. С нами за столом была его мама, и этот вечер был ее! Она за все время застолья даже не присела: рассказывала про свою жизнь, читала стихи, пела песни и частушки, притопывала, пытаясь танцевать. Нам всем стало очевидно — вот в кого Барашков!

Мы с Татьяной втянули Барашкова в эпопею поездок на работу под Новоросийск в качестве пионервожатых. Дети и там за ним ходили гурьбой, а он с ними продолжал заниматься физикой: почему бревно плавает по реке всегда параллельно берегам; почему диаметр солнечного диска на закате больше, чем в зените; почему так взрываются в костре морские камни. Какое там детям, нам всем было с ним интересно.

У Валерия Васильевича в этом пионерском лагере "Орленок" сложилась дружба с артистом балета Маринского театра, правда, уже пенсионером. Они стали не разлей вода. Этот артист по прозвищу "балерун" работал в лагере хореографом, но все время пропадал в отряде, где вожаком был Барашков. А вечерами, после отбоя, они вдвоем, тайно, ходили на рынок за вином. После этого их разговоры, споры становились азартными и продолжались до глубокой ночи. Думаю, что их объединяло творческое начало, присущее им обоим. Я увидел тому подтверждение, когда познакомил Валерия Васильевича с главным дирижером Государственного академического симфонического оркестра Беларуси народным артистом Беларуси Александром Михайловичем Анисимовым. Они так заелись в разговоре, что в конце беседы вдвоем станцевали какой-то замысловатый танец.

Мы хотели приобщить Барашкова к науке, хотя бы для того, чтобы он систематизировал свой же педагогический опыт, описал свои методики обучения физике. Ведь в лицее полностью раскрылся его учительский талант, его ученики стали регулярно привозить золотые, серебряные и бронзовые медали даже с международных олимпиад. Он заслужил право выставлять на Республиканскую олимпиаду по физике свою личную команду. И все его шесть человек привозили дипломы! Это же высший класс работы! Его опыт надо всемерно использовать. Но Валерий Васильевич статьи писать не любил. Соответствующей усидчивости у него никогда не было. Аспирантуру он закончил, но диссертацию писать не стал. И в разговорах с нами никогда эту тему не затрагивал.

В 1997 году Барашкову присвоили звание заслуженного учителя Респуб-

сильевич! Так я же его хорошо знаю, это не просто учитель, это — "мотор". Ему надо давать масштаб, его надо использовать на полную мощность. Приглашаю Валерия Васильевича и Лидию Ивановну к себе на разговор. Предлагаю переезд в Могилев. Вижу, энтузиазма у них в глазах нет, особенно у Лиды. В Осиновке у них квартира, хозяйство, привычная обстановка. А тут город, да еще и лицей, не совсем понятно какой и для чего. Обещаю квартиру, хотя как это решить, пока не знаю. Разговариваем мы как старые друзья, и я вижу, что Валерию Васильевичу это предложение становится интересным. И к концу разговора они соглашаются, тем более что и Лидии Ивановне мы предлагаем работу учителем математики в этом же лицее.

Они уехали домой окончательно обдумать переезд, а я стал размышлять, как "выбить" им квартиру. И надо же, в это время министр образования М.И.Демчук пригласил Г.Н.Петровского на работу начальником Главного управления общего среднего образования, и Геннадий Николаевич предложил передать свою квартиру Барашковым. Однако для этого требовалось решение Могилевского горисполкома.

Председательствовал в горисполкоме тогда С.А.Габрусев. Он пришел на эту должность в начале 90-х, во время разгула демократов, к которым себя и относил. На предложение Петровского сказал: "Пусть проректор Радьков сам ко мне придет и все объяснит!". Я пришел. И он мне сразу говорит: "Радьков, у нас в Могилеве три вуза с кафедрами физики, два НИИ физики Академии наук, а ты зовешь учителя из Чаусского района, да еще требуешь для него квартиру. У нас что, в городе физиков нет?". Отвечаю: "Физики есть, а нам нужен высококлассный учитель физики!". И этот ответ Сергея Артемьевича убедил. Барашковы, кстати, до сих пор живут в этой квартире...

Я, конечно, и за Валерия Васильевича, и за Лидию Ивановну переживал. Поехал после их переезда посмотреть, как они себя чувствуют на новом месте работы. Захожу к директору лицей В.С.Богданову и спрашиваю, где Барашков? Тот молча подходит к окну

лики Беларусь. Он продолжал работать учителем физики в лицее, регулярно выдавал олимпиадные медали, преподавал на физмате. Его ученики поступали не только к нам на факультет, но и в самые престижные вузы Беларуси и России, становились известными учеными, руководителями крупных научных центров. Но Валерий Васильевич оставался у них кумиром. Они постоянно его навещают, советуются, делятся с ним своими знаниями и наработками. Какое-то время Барашков работал заместителем директора лицея, а потом вернулся к своему любимому предмету.

Лидия Ивановна долго преподавала в этом же лицее математику. Вдумчивый, ответственный, знающий учитель. Я уверен, что во многом именно она направляла бушующую энергию своего мужа в нужное русло.

В 2016 году Валерию Васильевичу Барашкову Указом Президента Республики Беларусь А.Г.Лукашенко было присвоено почетное звание народного учителя. Это первый народный учитель в независимой Беларуси, и это — выпускник нашего физмата! Как же не гордиться таким факультетом!

Александр Григорьевич, вручая Валерию Васильевичу почетный знак народного учителя, сказал:

— Помни, первым всегда тяжелее всех!

Теперь выпускник нашего физмата 1972 года уже работает на всю страну. Входит в состав представительных комиссий, участвует в совещаниях самого высокого уровня, популяризирует работу учителя в СМИ, и при этом всегда и везде остается оригинальным и неповторимым. Поэтому и Народный...

ЛАБОРАНТЫ

Без этих персонажей я своего физмата не мыслю. Это в большинстве своем умные, во многом оригинальные, очень колоритные люди. Внешне они не очень заметны, каждый занят своим делом, причем в строго отведенном для этого месте. Но мне иногда казалось, что именно они организуют повседневную жизнь физмата, создают эту уникальную университетскую ауру, создают и поддерживают реальную базу для функционирования и развития факультета. Это лаборанты.

Их влияние на жизнь окружающих я почувствовал с первых шагов в институте, еще абитуриентом. Приехав в Могилев, я с трудом нашел учебный корпус по улице Ленинской. А там с порога нас встретил и властно всем распоряжался высокий седой старик в круглых очках. Я даже замер, подумав, что впервые в жизни вижу профессора. Впоследствии оказалось, что это лаборант кафедры общей физики. Но какой! Участник Великой Октябрьской революции, боец Первой конной армии Минашкин. Так получилось, что через 20 лет нам с Леной Латотиним пришлось хоронить эту физматовскую знаменитость...

Лаборанты имели каждый свое хозяйство-лабораторию. Нила Степановна Минчукова заведовала кабинетом механики. Мы студентами к ней привязались, так как даже внешне она многим напоминала маму. Эта привязанность осталась у нас и после того, как мы стали преподавать, расти по службе. В лаборатории у Нилы Степановны всегда был водоворот: новости, происшествия, отношения — все к ней заходили и всем делились совершенно естественно. Мы с деканом Е.Е.Сенько часто просили Нилу Степановну помочь с наведением порядка в факультетской документации. В этом деле она была безоговорочно лучше нас...

Инна Константиновна Юркевич заведовала лабораторией молекулярной физики. Она иногда и занятия проводила по этому предмету. От общения со студентами получала удовольствие. Однажды мы с Валерой Ивановым поленились, не стали сами выполнять лабораторную работу по определению процентного содержания сахара в водном растворе. Просто взяли у своих однокурсников уже сделанный по этой теме отчет и пошли сдавать его Инне Константиновне. А она говорит: "Не попали! Я для вас подсыпала в раствор сахара, так как видела, что собираетесь схитрить!". Смеялись втроем, но работу пришлось сделать как положено.

Иногда лаборант по влиянию на коллектив не уступал даже заведующему кафедрой. Именно такой была Татьяна Петровна Трещенок. Мы с ней подружились, когда я был еще первокурсником, а она уже тогда работала лаборантом кафедры иностранных языков. Что-то нас друг к другу всегда тянуло. Позже я познакомился с ее мужем Яковом Ивановичем. Его искренне уважал и считал своим учителем Президент Беларуси А.Г.Лукашенко. Когда я был у него на согласовании перед назначением ректором Могилевского университета, Александр Григорьевич спросил:

— А как там Яков Иванович?
Я, не раздумывая, так как его хорошо знал, отвечаю:

— Преподает! Причем излагает свои собственные взгляды на историю, и в этом его не повернешь!

Президент добавил:

— И не повалишь! А как она?

Мне было совершенно понятно, о ком он спрашивает. Докладываю:

— Заведует кафедрой немецкого языка! Нет, заведующий там есть, но командует именно она!

Александр Григорьевич засмеялся:
— Верю, потому что хорошо ее знаю...

Лаборантка нашей кафедры алгебры и геометрии Галина Николаевна Акулич работала со дня ее основания, с 1974 года. Я в шутку говорил, что на этой кафедре заведующие менялись (Коробенок, Лапковский, Радьков, Чеботаревский, Иванов...), но руководила всегда Гаяля. Она нам печатала рукописи всех научных статей, диссертаций, книг. Молча, сидя в углу со своей печатной машинкой, а потом с компьютером, иногда поднимая голову и внимательно на нас посматривая.

Муж Гали, Василий, работал слесарем на комбинате "Химволокно" и был активным внештатным корреспондентом "Могилевской правды", писал заметки непосредственно с производства. Гаяля не одобряла его творчества, ворчала по этому поводу, но Вася не обращал на это никакого внимания. Их сын Николай стал известным ученым-биологом, защитил кандидатскую диссертацию и завершает работу над докторской. Мы наблюдали, как Гаяля его заботливо опекала, воспитывала, развивала. Николай, кстати, был еще и хорошим конкобежем, мастером спорта. Поэтому у Гали на физмате всегда был заметный авторитет. Мне она очень помогала, когда я работал первым проректором и продолжал заведовать кафедрой. Гале я поручал предварительное распределение учебной нагрузки — дело хлопотное, рутинное, иногда даже скандальное. Она с этим справлялась блестяще, мне оставались только последние штрихи. Гаяля была настоящим профессионалом.

Всегда были компетентными в своем деле, авторитетными лаборанты у профессора Столяра. Иногда нам даже казалось, что он явно пасует перед напором, убежденностью в своей правоте Валентины Томан, Тамары Гросс, Любы Бондарева. Они вели себя с заведующим кафедрой и преподавателями, можно сказать, на равных, но допустимых границ никогда не переходили.

Гаяля Серик (Бондаренко) — это уже наша компания. Через нас она и познакомилась со своим будущим мужем — Константином Михайловичем Бондаренко. Костя после меня возглавил университет, а Гаяля стала "ректоромшей".

У Гали отец работал где-то на золотых приисках и построил для нее в Могилеве кооперативную квартиру. И пока Гаяля жила одна, мы там часто собирались: Петровские, Сазоновы, Радьковы... На факультете она была хозяйкой в кабинете астрономии. Когда пришла туда работать, обнаружила большие заколоченные ящики, попросила нас с Костей их вскрыть. А там — шикарный телескоп! Даже физматовский астроном В.В.Петров не догадывался, какое чудо так долго хранилось в кладовой.

Среди близких мне друзей со студенчества был лаборант кабинета ТСО Володя Каноненко. Золотые руки! В своей лаборатории он все время что-то мастерил, совершенствовал. С ним было комфортно: открытый, покладистый, с хорошим юмором. Мы часто собирались у него в кабинете ТСО по-

болтать, могли там и немного выпить. Вместе ездили в Казахстан поработать в стройотряде. Володя вместе с Виктором Кротовым прославили физмат на просторах СССР: за разработку системного кабинета технических средств обучения на ВДНХ они получили бронзовую медаль!

Всеми техническими средствами в институте заведовал Эдуард Денисович Плетнев. Но жил он на физмате. Деятельный, энергичный, всегда в хорошем настроении, он был переполнен разными идеями и доставал нас ими регулярно. Был в курсе всех факультетских дел: он знал всех, и все его знали. Уже во времена перестройки чуть не втянул меня в одну финансовую авантюру, но, зная его манеру редко до конца все продумывать, я устоял.

Двоим своих сыновей он отправил учиться на физмат. Оба они были моими студентами, причем старший, Саша, был очень похож на голливудскую звезду Сильвестра Сталлоне. Я видел, что высшую алгебру на лекциях Саша понимает не хуже меня, меньше пока знает, но с ходу разбирается в том, над чем мне приходилось немало думать. Но в науку он не пошел: бизнес для таких парней оказался более интересным.

Особая история в жизни физмата — майор Файн. Он в этом звании ушел в отставку. Служил в метеорологических аэродомных частях, колесил с семьей по всему Советскому Союзу, осел в Могилеве, и его взяли лаборантом на кафедру общей физики. Вениамин Исакович оказался очень деятельным человеком, был повсюду со своими разговорами, советами, предложениями. Однажды и я поддался на его провокационное предложение. Он задумал сдать накопившуюся дома макулатуру и предложил мне сделать это вместе. Мы с ним загрузились тяжелыми кипами бумаги сначала у него, потом у меня дома, полдня на его "москвиче" колесили по Могилеву в поисках приемного пункта, выгрузили накопленное и получили за это по 30 копеек. Увидев после этого мой свирепый вид, Вениамин Исакович тут же заявил: "Зато в квартире будет легче дышать!".

Офицер всегда найдет возможность покомандовать. И майор Файн нас всех все-таки "построил"! В партийной организации физмата он взял на себя ежемесячный сбор денежных членских взносов. Это власть! То ты забыл вовремя это сделать, то что-то в заработке упустил или напутал — майор Файн тут как тут. Напомнит добродетельно, но строго. Командир!

Годы у всех берут свое, постарел и майор Файн. Но не участвовать в активной жизни физмата он не мог. И против этого никто не возражал до определенного случая. Я как ректор проводил осмотр университета перед началом учебного года. Начал с лабораторий и кабинетов физмата. Иду по первому этажу, меня встречает майор Файн:

— Александр Михайлович, зайдите ко мне в лаборантскую рядом с лекционной аудиторией. Там мы установили новое демонстрационное оборудование, я покажу, как оно работает.

Зашли, посмотрели. После первого этажа поднимаемся на второй. Там нас опять встречает майор Файн:

— Александр Михайлович, зайдите в лабораторию электричества. Посмотрите, как мы подготовились к новому учебному году.

Зашли, посмотрели. Идем дальше, на третий этаж. И опять нас встречает майор Файн:

— Александр Михайлович, зайдите, посмотрите...

После этого я тихо говорю декану факультета Леониду Старовойтову, что майору Файну уже пора на пенсию.

Эта история вошла в фольклор физмата как "эффект майора Файна".

Ивана Семеновича Акуловича позвали работать на физмат его дети. Его сын Саша заведовал у нас кафедрой немецкого языка, там же работала и невестка Ивана Семеновича Тамара. Дочь Люда преподавала на филфаке, а потом была главным редактором университетской газеты, младшая дочь Оля работала лаборанткой кафедры философии. Иван Семенович до пенсии работал токарем на заводе "Строммашина" и к нам пришел учебным мастером.

В учебные планы подготовки будущих учителей математики и физики входил курс моделирования, и студенты должны были освоить работу на основных станках. Вот для этого у нас в наличии были токарные, фрезерные, строгальные, сверлильные и многие другие станки. Иван Семенович был токарем от Бога. И очень добрым человеком. Он никому не отказывал, и к нему шел поток преподавателей отремонтировать всячину: зонтик, кран, задвижку, деталь автомашины. Я с Иваном Семеновичем дружил, вслух даже говорил, что для функционирования университета обязательно нужны три человека — вахтер на входе, ректор и Иван Семенович.

Однажды я пришел к нему с просьбой выточить винтик. Мы с Татьяной купили румынскую стенку "Питешта", сами ее собирали и обнаружили дефектный винт: на нем резьба бала нарезана не по спирали, а кругами. И все винты под счет, лишних нет. Иду к Ивану Семеновичу. Он взял этот винт в левую руку и сказал, что никогда такого брака не видел. Я удивлялся вместе с ним. А правая рука Ивана Семеновича в это время что-то делала с токарным станком, и через минуту он дает мне... точно такой же, но уже правильный винт. Это было филигранное мастерство...

Еще при мне на физмате поменялось поколение лаборантов. На смену старой гвардии пришли наши бывшие студенты: Игорь Лазарев со своей женой Людмилой, Саша Емельянов со своей женой Натальей, Людмила Набокова, Лилия Сакович, Людмила Канунникова, Володя Бондарев, Жанна Егудина. Все они, каждый по-своему, добавили физмату колорита, тоже стали на факультете заметными и авторитетными. Например, Игорь Лазарев — великолепный музыкант, он при мне создал на физмате, можно сказать, профессиональный, лучший в городе эстрадный коллектив. Володя Бондарев, Саша Емельянов развивали на физмате и в целом в университете информационные технологии. Они "царили" в информационно-аналитическом центре, создавали первый сайт университета, помогали оснащать учебный процесс современными компьютерами. А Саша Емельянов еще и играл на саксофоне в ансамбле у Игоря Лазарева, у меня на заседании кружка выступал перед студентами с сольным концертом. Придумал логотип университета, которым пользуются до сих пор.

Лаборанты — это не только хозяйка учебных кабинетов и производственных мастерских. Это опора и поддержка преподавателей, очевидный резерв для пополнения их рядов. Например, Люба Бондарева стала соавтором многих учебных пособий по математике для младших школьников, Люда Набокова возглавила управление воспитательной работы в университете, а Лилия Сакович — отдел информационных технологий. Саша Емельянов преподавал, потом ушел в бизнес, открыл свое дело. А им на смену пришли другие воспитанники физмата. Уверен: они будут не хуже. Мой физмат всегда умел готовить хорошие кадры: классных учителей, толковых лаборантов, талантливых преподавателей и ученых.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Уже на первом курсе я пропитался физматом. И первую, и вторую сессию сдал на "отлично". На выходные ездил на дизель-поезде домой повидавать отца, мать, братьев, по которым очень тосковал, друзей, запастись продуктами. И, конечно, дома взахлеб рассказывал об учебе, о преподавателях, о студенческой жизни. Оказывается, мама меня не только внимательно слушала, но и делала соответствующие выводы. Она ведь упорно хотела достичь своей цели — дать каждому сыну высшее образование. Осенью 1968 года, когда я уже учился на физмате, демобилизовался из армии мой старший брат Володя. Десантник, служил в спецназе, в жизни к этому времени уже кое-что повидал и приобрел в результате некую бесшабашность. Год работал дома на торфзаводе сварщиком. Всем был нужен, никому в просьбе что-то приварить не отказывал. А люди тогда благодарили только вином, причем совершенно искренне. Моя мама рисковать с ним второй раз после попытки

поступить в политехнический институт не стала, в приказном порядке отправила поступать на физмат, ко мне в компанию. Так у нас и сложилось, что я — младший брат, а учился на год раньше старшего брата. Володя успешно окончил институт и до пенсии работал директором нашей родной Краснобелорусской школы. Ему по жизни предлагали разные должности, но своему делу он не изменил.

Третий наш брат родился, можно сказать, врачом. Он уже старшеклассником делал старушкам уколы по их просьбе. Акушер-гинеколог, хирург, заслуженный врач Республики Беларусь. Мама видела его фанатичную нацеленность на эту профессию и не мешала ему идти за своей мечтой.

А вот четвертого брата, Николая, пожалуй, самого шубетного из нас, она, не сомневаясь, отправила учиться на наш же физмат. Я к тому времени окончил институт и ушел служить в армию. Николай еще год учился вместе с Володей. Теперь он — директор Горской средней школы Горецкого района. Очень хороший директор.

Самый младший, пятый брат Виктор, был уже обречен, мама настояла, чтобы и он шел к нам на физмат. Он тоже не изменил своей профессии, до пенсии работал директором Быховского лицея.

На физмате я нашел свою жену Татьяну. Мне факультет ее подарил. На всю жизнь.

Если физмат рассматривать как единый организм, то я его клетка, всю жизнь ощущаю это физически. Поэтому, когда потребовалось рассказать о факультете, то текст я не писал, он из меня "вытекал". Татьяна, первый читатель, знающая всех этих людей лично, все время укоряла, что у меня мысли опережают слова. Поэтому я пропускаю буквы, не дописываю окончания, пренебрегаю знаками препинания.

С физмата я уходил постепенно, стал проректором по учебной работе, потом первым проректором, ректором. Это уводило от повседневной жизни факультета, но у меня оставалась там учебная нагрузка: лекции, спецкурсы, курсы и дипломные работы, руководство аспирантами. Но и эти связи стали теряться, когда я ушел работать в Министерство образования. Даже встречи с коллегами стали эпизодическими. Я, конечно, бывал в университете, заходил на свой физмат, однако это были кратковременные и официальные визиты, я уже не чувствовал неповторимой ауры этого факультета.

Но я вернулся на свой физмат, я помню и люблю этих людей. Обо всех без исключения что-то написать я не смог — кто-то у нас работал недолго, кто-то был в другой компании, с кем-то я совсем мало общался. Например, Алевтина Трофимовна Катасонова, умный, интересный преподаватель, автор многих учебных пособий по математике, — она ушла с физмата работать деканом педагогического факультета. Алексей Никитович Соболевский — великолепный физик, секретарь нашего факультетского партбюро, заведующий кафедрой теоретической физики — к сожалению, я с ним не так много, как хотелось бы, общался.

Николай Константинович Рузин приехал к нам с женой из Йошкар-Олы по приглашению профессора Столяра. Но работал у нас недолго. Они опять вернулись в Йошкар-Олу. С Николаем Константиновичем я потом долго переписывался, он охотно давал отзывы на мои научные работы, книги, на диссертации моих учеников. Милые, очень интеллигентные люди.

Геннадий Никитович Скобелев — профессор ЮНЕСКО. Приехал к нам на физмат после долгой работы за границей. Его вышколаенная дипломатическая манера вести себя с людьми держала нас на расстоянии от него, хотя человек он был очень интересный, с богатейшим опытом преподавания математики в разных странах.

Владимир Кириллович Белый, Лия Николаевна Григорьева, Нина Ивановна Авдеева, Татьяна Юрьевна Герасимова, Мария Васильевна Зайко, Виктор Тихонович Зайко, Наталья Ивановна Петрушенко — преподаватели физики, очень интересные люди, но с ними я встречался меньше.

Хочу закончить писать о моем физмате, а он меня не отпускает...